

В.И. Чуглов
Вологодский государственный
университет

К 100-летию со дня рождения
Б.Н. Головина*

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ И СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОДНОЙ ИЗ РАННИХ ПУБЛИКАЦИЙ Б.Н. ГОЛОВИНА

Рассматриваются научные наблюдения в одной из ранних публикаций Б.Н. Головина, сделанные в процессе выделения частных грамматических значений вопросительно-относительных местоимений и функционирования их в этих значениях в разных синтаксических сферах, в частности в разных типах сложноподчиненных предложений с местоименной связью их предикативных частей. Эти наблюдения значимы для классификации и описания данных типов. К сожалению, публикация по определенным причинам не получила должной известности. Однако сходные этим наблюдениям идеи и положения имеют место в появившихся позже работах специалистов. Некоторые суждения ученых, в том числе неприемлемые, побуждают к дальнейшим научным поискам, углубляющим сложившиеся представления.

Б.Н. Головин, частные грамматические значения вопросительно-относительных местоимений, сложноподчиненные предложения с местоименной связью, союзные слова, относительные местоимения.

То, что содержание рассматриваемой нами публикации Б.Н. Головина в «Ученых записках Вологодского государственного педагогического института» 1956 года, «повзрослевшей» на 60 лет, оживает на страницах «Вестника Вологодского государственного университета» в 2016 году (что само по себе уже примечательно) говорит о ее научной значимости. Хотя объектом публикации являются названные выше местоимения (включая местоименные наречия), наиболее значимыми представляются выделенные автором типы сложноподчиненных предложений с этими местоимениями и их систематизация, во-первых, потому, что в конце 50-х и начале шестидесятых годов в синтаксической науке о русском языке велась важная работа по созданию новой структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений. Публикации Б.Н. Головина отвечали поставленным

задачам, во-вторых, потому, что позже, включая настоящее время, были высказаны и получили развитие идеи, сходные с наблюдениями Б.Н. Головина (см., например: [16]).

Как известно, в русистике из трех классификаций, точнее, парадигм классификаций: логико-грамматической, формально-грамматической и структурно-семантической – первые две не удовлетворили исследователей. Логико-грамматическая классификация (А.Х. Востоков, Н.И. Греч, И.И. Давыдов, Ф.И. Буславев), исходившая из сравнения сложных предложений с простыми, а придаточных – с членами простого предложения, недостаточно учитывала формальные признаки; формально-грамматическая классификация (А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон, Л.А. Булаховский) учитывала лишь один формальный признак – характер скрепы – союз или союзное слово – и делила сложноподчиненные предложения на два соответствующих типа, обращаясь далее к значениям союзов и союзных слов. Третья, отталкиваясь от выделенной В.А. Богородицким суммы признаков: 1) к чему относится придаточное, 2) какие формальные слова применяются (также и другие средства выразительности – интонация и т.д), 3) какие отдельные оттенки принадлежат самим придаточным предложениям (а не тому или другому члену главного предложения) [4, с. 230], – пыталась уточнить состав структурных признаков и семантику сложноподчиненных предложений. Б.Н. Головин, как уже было сказано, обратился к указанным местоимениям, которые реализовали свои частные значения как раз как скрепы, связывающие предикативные части сложноподчиненных предложений, а также как члены других образований. Первая структурно-семантическая классификация была предложена Н.С. Поспеловым [14]. В 1960 г. выходят статьи С.Е. Крючкова и Л.Ю. Максимова «К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений» [8] и «Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части» [9]. Несколько позднее появились работы [6; 2; 11]. Предложенная Б.Н. Головиным систематизация сложноподчиненных предложений, как и статья Крючкова и Максимова в «Вопросах языкознания», касалась лишь предложений одной из разновидностей первой ступени деления – предложений расчлененной структуры, точнее, тех из них, части которых были связаны названными местоимениями и имели соответствующую этому теоретическую ценность. К великому сожалению, несмотря на ее теоретические достоинства, по некоторым причинам она не получила должной известности. Повидимому, сказались обращение только к фрагменту системы сложноподчиненных предложений без его связи с другими участками этой системы в целом, недостаточность утверждавшейся соответствующей терминологии, небольшой тираж издания.

Обратимся к синтаксическим наблюдениям автора. Опираясь на высказанные А.М. Пешковским мысли о бесконечном множестве переходов от вопросительных значений к относительному в сложных предложениях с относительной связью [13, с. 495], Головин вычленил частные грамматические значения вопросительно-относительных местоимений, систематизировал их, а вместе с тем и образований, в которых они употребляются, в частности в придаточных определенных сложноподчиненных предложениях по степени ослаб-

* Борис Николаевич Головин – видный российский ученый, заведовавший кафедрой русского языка Вологодского государственного педагогического института с 1949 по 1961 гг.

ленности вопросительности. Отметим новизну и оригинальность такого подхода. Сходные положения, но с существенным их развитием находим в работах современных исследователей, прежде всего в академической «Русской грамматике», делящей сложноподчиненные предложения с местоименной связью частей на предложения с местоименно-вопросительной связью частей и предложения с местоименно-относительной (анафорической) связью частей. При описании первых указываются условия ослабления вопросительного значения [16, с. 508–538].

В рассматриваемой публикации выделены следующие типы сложноподчиненных предложений с местоименной связью предикативных частей:

1. Предложения с вопросительно-относительным значением (косвенный вопрос): – *Василий Карпович, у вас перчатки прохудились, – сказала я и сама удивилась, зачем это я сказала* (С. Антонов).

Значение таких предложений автор определяет как сообщение адресату о наличии неизвестного говорящему факта, который мог бы стать объектом прямого вопроса [5, с. 365–366].

2. Предложения с указательно-относительным значением местоимения в составе придаточного: *Я вот на бумажке написала, где вещи наши лежат* (С. Антонов).

Местоимения с данным значением могут непосредственно относиться к известному автору объекту и соотноситься с содержанием главного предложения [5, с. 367–368].

Оценивая основания выделения данных типов сложных предложений, следует позитивно отнестись к замеченному автором их различию. Ср. утверждение для не попавших в перечень факторов ослабления вопросительного значения вопросительных местоимений в «Русской грамматике»: «Все перечисленные факторы выявляют следующую тенденцию: вопросительное значение местоимений нейтрализуется тем сильнее, чем больше положительное знание ситуации, относительно которой задается вопрос» [16, с. 510]. Однако перевешивает другое, формальное и поэтому достаточно определенное по сравнению с семантическим обстоятельством, более общее значение придаточных, позволяющее с убедительными основаниями отнести выделенные автором типы к одному типу сложноподчиненных предложений – к предложениям с местоименно-вопросительной связью частей [16, с. 562], к предложениям с союзными словами, или относительным подчинением, обычно, как правило, со значением косвенного вопроса (Максимов). Л.Ю. Максимов определяет значение придаточных, раскрывая понятие косвенного вопроса: «Придаточные в этих предложениях выражают объект не как сообщение, а как его тему с более или менее отчетливо выраженным оттенком косвенного вопроса» [1, с. 195]. Однако в объединении выделенных типов сложных предложений в один вид чрезвычайно важно формальное основание: отсутствие в главном предложении таких членов предложения, с которыми союзные слова (точнее, предложения с ними) могли бы вступить в анафорические (относительные) отношения (см. [2, с. 32], ср. [13, с. 497]). В.А. Белошапкова относит их к бессоюзным (однако есть основания не согласиться с таким решением).

3. Сложные предложения с местоименным союзно-относительным значением: *Почти все офицеры разъехались, а в большой комнате, где находилась*

техническая часть дорожного отдела армии, оказались только инженер-майор Юрцев... и старший сержант Нина Попова... (С. Антонов); *Время пройдет, и какой-нибудь другой Вася, такой же молодой и красивый, сам придет к вам, возьмет вас за руки, и скажет все, что надо сказать, надо обдумывать и зачеркивать* (С. Антонов); *Когда он подъезжал с той стороны к Шомушке, эта сосна встречала его на повороте дороги, тихая и приветливая, и словно показывала туда, где деревня, где речка, где Лена* (С. Антонов); *Анисим заметил его только тогда, когда он очутился на льдине с прорубью* (С. Антонов) [5, с. 361–374].

Как видно из примеров, в этом типе сложноподчиненных предложений оказались соединенными два разных вычленяемых исследователями типа предложений – с придаточными присубстантивно-атрибутивными (определятельными) (два первых примера) и местоименно-соотносительными (два вторых примера) [5, с. 371]. Основаниями для выделения единого вида: существенные общие признаки, отличающие их от двух названных видов: использование придаточных с союзно-относительными местоимениями.

Автор вскользь противопоставляет остальные предложения, в которых придаточные относятся к существительным [5, с. 371], т.е. предложения с придаточными определятельными. Основаниями для выделения единого типа является для автора существование объединяющих, отличающих их от двух названных типов ряд признаков: использование придаточных с этими местоимениями для конкретизации имеющегося в главном предложении обобщенного указания на обозначаемый объект и для образования его составного наименования, отсутствие у него конкретной соотнесенности с объектом, функциональная близость к союзу, как и союз, он связывает придаточное предложение с главным.

В качестве общих признаков определятельных и местоименно-соотносительных предложений существенно отметить еще один – тождество, или, точнее, выражение тем и другим определятельных отношений. У присубстантивно-атрибутивных придаточных предложений это значение очевидно, оно является грамматическим у местоименно-соотносительных предложений. Кстати, на основе этой близости в «Русской грамматике» выстраивается оппозиция по структурно-семантическому признаку: предложения с ориентированной и предложения с неориентированной связью частей, или соответственно в других терминах – с придаточными определятельными, относящимися к существительному, и местоименно-соотносительные, или предложения с придаточными, относящимися с помощью местоимения к другому местоимению: ср. *Путники остановились в имении, где они уже останавливались – Путники остановились там, где они уже останавливались*.

Конечно, не со всеми интерпретациями можно согласиться, например с объединением двух рассматриваемых видов в один, с тем, что вопросительно-относительные местоимения в них не являются членами предложения. Но, например, последнее утверждение побуждает вернуться к ставшему традиционным, вполне очевидному представлению. Выделим некоторые частные утверждения автора относительно местоимений в союзно-соотносительном значении и предложений с ними: сохраняет способность к формоизменению [5, с. 371], «формально зависят от гла-

гола-сказуемого» (автор говорит об этом применительно к местоимению «который», однако не исключаются отношения к другим местоимениям в указанном значении [5, с. 371–372], «у них нет той смысловой и синтаксической формальной «весомости», которая необходима для члена предложения, «местоимения по существу не соотносены, а соотносят придаточное предложение с главным» [5, с. 368], вводятся в придаточное с целью использовать его содержание для конкретизации имеющегося в главном предложении обобщенного указания на предметы и признаки [5, с. 368]. Фактически речь идет о союзных словах (автор употребляет соответствующий термин однажды и в кавычках), которые авторы обычно априори ставят в один ряд с союзами.

В свете сказанного механизм связи с помощью союзных слов, абстрагируясь от местоименно-вопросительной связи, можно представить следующим образом. Связь между главным и придаточным предложениями, точнее, между опорным компонентом и придаточным является анафорической (точнее, катафорической). Опорное образование является недостаточным для выражения смысла главного предложения и отсылает к содержанию придаточного предложения, которое (но не союзное слово) транспортирует смысл (содержание) придаточного в его опорное образование (ср.: [3, с. 227–232]).

Союзную функцию союзное слово выполняет не само по себе, а на основе своей функции члена предложения в придаточных предложениях. Однако в этой функции данный член предложения обладает рядом особенностей, благодаря которым грамматикализуется как средство связи. Во-первых, он актуализируется, противопоставляясь остальной части придаточного, сохраняя, однако, свою функцию члена пропозиции, обозначающего компонент обозначаемой ситуации, благодаря чему он определяется по ситуации как ее часть. Возьмем для сравнения сложноподчиненные предложения с определительно-выделительными придаточными. *Пряитель купил книгу в магазине – (1) Пряитель, который / купивший книгу в магазине; (2) Книга, которую приятель купил...; (3) Магазин, в котором приятель... В (1) имеет место характеристика по ситуации субъекта этой ситуации, в (2) – как прямого объекта; в (3) – как места ситуации [17].*

Во-вторых, актуализированный член предложения выражает значение некоторой неопределенности и в соответствии с этим он выражается соответствующим местоимением. Это значение члена предложения, выраженного местоимением, конкретизируется в необходимой степени содержания остальной части придаточных, семантически определяющего как компонент ситуации.

Наконец, с целью отмеченного выше транспонирования смысла актуализируемый член придаточного выражается именно таким местоимением, которое соотносится с опорным словом на уровне общего значения тематического класса (предметность, признаковость и т.д.), а там, где возможно, – и на уровне общих грамматических категорий (рода, числа), а также на уровне семантической соотносительности типа *тот – кто (кого и т.д.), там – где (откуда, куда)*. В результате образуемое составное наименование выражает грамматическое значение неопределенности (конкретизированной неопределенности), иногда в

комплексе со значением универсальности и другими (*каждый – кто, все – кто*).

Таким образом, союзные слова как грамматическое средство связи выполняют союзную функцию не в отрыве от синтаксической функции члена придаточного предложения, а на ее основе (как часть конструкции «опорный компонент – организованное определенным образом придаточное предложение с функцией antecedента»).

Итак, на основании выделенных частных грамматических значений вопросительно-соотносительных местоимений автор фактически охватил большую часть типов сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры. Неохваченными остались предложения с союзной связью – местоименно-союзные соотносительные и сравнительно-объектные, а также основная часть изъяснительно-объектных (по классификации Максимова). Научные наблюдения Б.Н. Головина в рассмотренной области синтаксиса представляются значимыми, его наблюдения сохраняют актуальность и на настоящее время.

Располагающим к размышлениям является и выделение вопросительно-относительных местоимений как одного, а не двух семантических разрядов местоимений – вопросительных и относительных. Последнее автор считает «недостатком», игнорирующим смысловые связи между ними. Но и сами грамматические значения вопросительно-относительных местоимений автор считает «не подвергавшимся <...> сколько-нибудь широкому и пристальному изучению» [5, с. 361].

В настоящее время существуют разные точки зрения. Одни авторы выделяют вопросительные и относительные местоимения как два семантических разряда (А.М. Пешковский, В.А. Белошапкова, Е.В. Падучева, М.А. Шелякин), другие авторы объединяют их в один разряд – местоименно-соотносительные (академическая «Грамматика русского языка» 1952 г., т. 1, К.В. Горшкова, Е.В. Клобуков) или вопросительные (Русская грамматика 1980 г., Краткая русская грамматика).

Между тем выделение относительных местоимений в отдельный разряд вызывает у нас определенные сомнения. Во-первых, все относительные местоимения являются полными омонимами вопросительных. Во-вторых, они выделяются авторами даже не по значению, а по структурной функции – функции средства связи придаточного предложения с главным. Но в этой функции, как уже отмечалось, используются и вопросительные местоимения (Русская грамматика 1980 г.). В-третьих, сфера использования относительных местоимений ограничивается количеством типов сложноподчиненных предложений, что несоизмеримо с функциями вопросительных местоимений. В-четвертых, механизм выполнения союзной функции, как мы пытались показать это выше, является сложным в сравнении с функциями других местоимений. В-пятых, при выделении омонимичных вопросительным относительных местоимений игнорируются внутренние семантические связи этих местоимений – по линии значения неопределенности либо показ этих связей делается более сложным. Ср.:

– *Кто сегодня дежурит? – Тот, кто дежурил вчера.*

Более адекватным представляется решение, согласно которому выделяется один разряд – вопросительные местоимения. Этот разряд имеет ряд значе-

ний, связанных с употреблением местоимений. Эти значения находятся в соответствии с делением вопросительных предложений на предложения со стандартной и нестандартной семантикой [12, с. 233]. Значение вопросительных местоимений можно соответственно определить как значение запроса информации об обозначаемом в составе предложения объекте, обозначенного местоимением, и разные значения, лишённые такого требования, например об объекте риторического вопроса. И хотя сама Е.В. Падучева выделяет разряд относительных местоимений, их значение в предложениях с местоименно-вопросительной связью предикативных частей естественно признать нестандартным, происходящим от вопросительного значения: обозначается не вопрос, а как уже было сказано выше, содержание вопроса с разной степенью ослабления вопросительности их значения у союзных слов логично признать нестандартным, или производным от основного вопросительного значения. Основанием для этого являются те обстоятельства, что они не побуждают адресата к сообщению информации, а выражают содержание вопроса, при этом с разной степенью ослабления вопросительного значения. На значение выражения содержания указывают А.М. Пешковский, Л. Ю. Максимов, В.А. Белошапкина, Е.В. Клобуков, выделив разряд вопросительно-относительных местоимений, предельно четко сформулировал мысль: относительные местоимения – это вопросительные местоимения в функции союзных слов [7, с. 202].

В публикации Б.Н. Головина, помимо сферы использования вопросительно-относительных местоимений, представлена еще одна сфера – сфера предложений заголовков статей, заметов, информации в их взаимодействии с текстом. Эта сфера интересна по-своему. От сферы сложноподчиненных предложений она отличается прежде всего большим объемом текстового компонента отношений и структуры, а с точки зрения семантики – наличием семантики сложносочиненных предложений. Вообще же определенные отношения, в частности выделяемые автором, могут быть переданы и сложными предложениями, правда, многочисленными, как, впрочем, и выражаемые сложноподчиненными предложениями – соответствующими фрагментами текста.

Например, вопросительно-мотивирующее значение в газетной заметке «Где купить кадку?» с мотивирующей вопрос частью «очень редко и в небольшом количестве бывают они <кадки> в магазине № 1 промысловой артели «Красный партизан» и в магазине № 2 лесоторгового склада» (газета «Красный Север» за 1954 г.) можно представить в предложении «Где купить кадку, если кадки встречаются очень редко: в магазине № 1 промысловой артели «Красный партизан» и в магазине № 2 лесоторгового склада?».

Однако возникает вопрос и по постановке вопросительного знака в конце вопросительного заголовка. К сожалению, соответствующих правил в полном академическом справочнике [15] мы не нашли.

Таким образом, в публикации Б.Н. Головина, близко предшествующей по времени появления первым структурно-семантическим классификациям, представлены интересные научные наблюдения, важные для этих классификаций. Фактически предложенный подход к выделению типов и систематизации сложноподчиненных предложений с местоименной

связью предикативных частей – большинства видов нерасчлененных сложноподчиненных предложений, то есть одной из двух разновидностей первой ступени упомянутых классификаций. Это удалось сделать независимо от основной задачи публикации в процессе выделения частных грамматических значений единого семантического разряда вопросительно-относительных местоимений, систематизировав их по степени ослабления значения вопросительности, и соответственно тех единиц, в которых местоимения в этих значениях функционируют. Само выделение этих значений было новым, сходные положения с последующим развитием находим в более поздних работах исследователей сложноподчиненных предположений, например в академической «Русской грамматике». С некоторыми интерпретациями публикации 1956 г. нельзя согласиться (как нельзя считать недостатками отсутствие каких-то важных сведений), но в ряде из них есть нечто рациональное, побуждающее к поиску более адекватных решений. Хотелось бы, чтобы, пусть с опозданием, научные наблюдения автора публикации получили должную известность и нашли определенное место и оценку в истории создания структурно-семантических классификаций и в решении некоторых других вопросов.

Литература

1. Бабайцева, В.В. Современный русский язык: Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – Москва, 1987. – 256 с.
2. Белошапкина, В.А. Сложное предложение в современном русском языке / В.А. Белошапкина. – Москва, 1967. – 160 с.
3. Белошапкина, В.А. Современный русский язык: Синтаксис / В.А. Белошапкина. – Москва, 1977. – 348 с.
4. Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – Москва; Ленинград, 1935. – 230 с.
5. Головин, Б.Н. О разновидностях грамматического значения вопросительно-относительных местоимений / Б.Н. Головин // Ученые записки Вологодского государственного педагогического института. – 1956. – Т. 18. Филологический. – С. 361–374.
6. Ильенко, С.Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения: автореф. ... д-ра филол. наук / Ильенко С.Г. – Ленинград, 1964.
7. Клобуков, Е.В. Местоимение / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков, Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков и др. // Современный русский литературный язык. – Москва, 1992. – С. 230–232.
8. Крючков, С.Е. К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. – 1960. – Вып. 10. Русский язык.
9. Крючков, С.Е. Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части / С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 1.
10. Ломов, А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник / А.М. Ломов. – Воронеж, 2004. – 400 с.
11. Максимов, Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: автореф. ... д-ра филол. наук / Максимов Л.Ю. – Москва, 1971.
12. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е.В. Падучева. – Москва, 2004. – 200 с.
13. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва, 1956. – 512 с.

14. Пospelov H.C. Сложноподчиненные предложения и его структурные типы / H.C. Пospelov // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2.

15. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / отв. редактор В.В. Лопатин. – Москва, 2007. – 480 с.

16. Русская грамматика: в 2 ч. – Москва, 1981.

17. Чуглов, В.И. Субстантивные конструкции с зависимой атрибутивной частью / В.И. Чуглов. – Москва, 1984. – 88 с.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

V.I. Chuglov

**INTERROGATIVE-RELATIVE PRONOUNS AND COMPLEX SENTENCES IN ONE
OF THE EARLY PUBLICATIONS OF B.N. GOLOVIN**

The article summarizes the scientific observation of one of the earliest publications by B.N. Golovin, which were made during his study of specific grammatical meanings in relation to interrogative-relative pronouns and their functioning in syntactic constructions, in particular different types of complex sentences with pronoun clauses. These observations are relevant for the classification and description of types of these sentences. Unfortunately, this publication for some reason has not received widespread publicity. However, these observations are similar to the ideas and conceptions that have emerged in the later works of linguists. Scientists' opinions, including unacceptable ones, warrant further research and the need to extend existing notions.

B.N. Golovin, specific grammatical meanings of interrogative-relative pronouns, complex sentences with a pronoun clause, conjunction words, relative pronouns.